

Кондратий Биркин

Людовик XIV

*Часть сборника
Временщики и фаворитки*

Кондратий Биркин
Людовик XIV
Серия «Временщики и фаворитки»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174166
Временщики и фаворитки: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-25843-7

Аннотация

«В биографическом очерке Сигизмунда Августа, короля польского, мы говорили о вредном влиянии на характер мужчины воспитания его в кругу женщин; теперь, приступая к жизнеописанию Людовика XIV, нам приходится повторить то же самое. Внук флорентинки и сын испанки, Людовик был одарен пылкой, страстной, неукротимой натурой. На попечение воспитателя своего Перефикса, епископа родезского (впоследствии архиепископа парижского), он отдан был уже в отроческих летах, когда к сердцу его были привиты многие дурные качества – неискоренимые...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

18

Кондратий Петрович Биркин Людовик XIV

Олимпия, Мария и Лаура Манчини. – Генриэтта Английская. – Ла Вальер. – Маркиза де Монтеспан. – Маркиза де Тианж. – Мария-Магдалина Мортемар. – Фонтанж. – Маркиза Ментенон (1651–1715)

В биографическом очерке Сигизмунда Августа, короля польского, мы говорили о вредном влиянии на характер мужчины воспитания его в кругу женщин; теперь, приступая к жизнеописанию Людовика XIV, нам приходится повторить то же самое. Внук флорентинки и сын испанки, Людовик был одарен пылкой, страстной, неукротимой натурой. На попечение воспитателя своего Перефикса, епископа родезского (впоследствии архиепископа парижского), он отдан был уже в отроческих летах, когда к сердцу его были привиты многие дурные качества – неискоренимые. Первым из них была непомерная гордость и ненасытное сластолюбие: гордость находила себе обильную пищу в раболепной лести придворных; что же касается до сластолюбия, то и оно было развито в отроче не по летам, благодаря, во-первых, постоянному его обращению в кругу фрейлин и статс-дам Анны Австрийской, во-вторых, вследствие прилежного чтения рыцарских романов, распалывшего и без того пылкое воображение короля-мальчика. Он вбил себе в голову, что ему суждено быть героем вроде Танкреда или Амадиса, но вместо того разыгрывал при дворе своей матери роль Дон Кихота, с тою единственною разницею, что ламанчский гидальго был в летах зрелых, а Людовику едва исполнилось четырнадцать; Дон Кихот был идеалистом, а у его юного двойника сквозь рыцарскую мечтательность прорывалась грубая чувственность. Он лазил в окна комнат, занимаемых фрейлинами, подглядывал в замочные скважины, когда они одевались; наконец, иногда забирался и прямо в их дортуары чрез тайные двери... Горничная Анны Австрийской госпожа де Бовэ (как мы уже говорили) первая посвятила юного рыцаря в тайнства любви и толкнула его на поприще разврата, на котором он так успешно подвизался до того возраста, когда бессилие физическое заставило его опомниться и удариться в старческое ханжество.

В восемнадцать лет Людовик был стройный широкоплечий юноша, среднего роста, с высоким лбом, орлиным носом, пламенными выразительными глазами, несколько выдающейся вперед нижней губой и грациозно округленным подбородком: отличительные признаки бурбонской крови и вместе с тем, по наблюдениям Лафатера, склонности к наслаждениям чувственным. Улыбка его лица, слегка протронутого оспою, была не лишена приятности; говорил он протяжно, с расстановками, с легким недостатком в произношении, заменяя твердый *p* гортанным *g*... Походка у него была величавая, несколько театральная; впрочем, театральность проглядывала не только в движениях Людовика, но и в самых его речах и поступках; он вообще любил и – надобно отдать ему справедливость – умел ходулировать и позировать. Отличный наездник и ловкий танцор, он удивлял своим искусством на каруселях и в придворных балетах. Избрав своею эмблемою солнце, он действительно ослеплял своими блестящими внешними качествами, но не обладал даром обогревать окружающих душевной теплотой: и северное сияние, и фосфор светят, но греют ли они? Душа Людовика была жестка и холодна, как лед, а от лучей его славы отдавала фосфористым смрадом могильного тления, или, лучше сказать, как фосфор – продукт гниения органического, так и лучистая ореола, которою окружал себя версальский полубог, была продуктом его непомерной гордости и душевной испорченности. Внешность и только внешность занимала Людовика, и ею он маскировал душевное свое ничтожество. Упоминая о его преобладающем пороке – сластолюбии, мы забыли сказать, что оно проявлялось во всех своих видах, т. е., кроме сладострастия, Людовик славился любовью к лакомствам, перешедшею с годами в обжорство; в зрелых летах он просыпался по ночам и ужинал вторично с таким

аппетитом, как будто и не закусывал, отходя ко сну. Вследствие этой неумеренности король очень часто страдал расстройством желудка, отражавшимся и на его расположении духа. В эти минуты хандры жутко бывало придворным, невесело бывало народу и страшно бывало приговариваемым к наказаниям – лишние годы каторги, несколько лишних степеней пытки, даже смертная казнь, в тех случаях, когда она могла бы быть заменена пожизненным заточением, – таковы бывали последствия обременения королевского желудка лишним куском паштета... В чужом пиру похмелье!

Восемнадцатилетний Людовик в любовных своих похождениях сделался отважнее и предприимчивее, да и придворные девицы перестали смеяться над его влюбчивостью, так как тут кошке были игрушки, а мышкам слезки. Госпожа де Наваиль, надзирательница за фрейлинами, зорко следила за ними, наущничала Анне Австрийской на ее сына; приказала, наконец, замуровать потайную дверь, чрез которую Людовик прокрадывался к своим одалискам. Препятствия и выговоры только пуще разжигали страсти в молодом короле. Дочь метрдотеля *Елизавета де Тернан* была первою его любовью, по которой он вздыхал, плакал и томился... месяца два. Видя неприступность красавицы, он поверг свое нежное сердце к стопам фрейлины *де ла Мотт д'Аржанкур* (в январе 1658 года), но и тут ему отвечали совершенным равнодушием, да, кроме того, и строгая матушка задала влюбленному порядочную головомойку. Наш мотылек, согнанный с одного цветка, не замедлил перепорхнуть на другой, и цветком этим была племянница кардинала *Олимпия Манчини*. Будучи годами старше Людовика, она, однако же, отвечала ему вздохами на вздохи, взглядами на взгляды, но и только, а король домогался чего-нибудь посущественнее. Брак Олимпии с графом Суассоном, подобно мечу Александра Македонского, рассек гордые узел этой платонической связи. Людовик, не унывая, обратился к сестре Олимпии, некрасивой, но умной и хитрой Марии. Кто-то из современников назвал ее обезьяной за хитрость, отчасти же и за наружность: очень смуглая, как арабка, толстогубая, небольшая ростом, Мария живостью движений и игривостью действительно напоминала гориллу или макаку, но и это сходство карикатуры человека с животным не только не охладило, но чуть ли не усилило страсти Людовика к Марии. Начали они перепискою; куда она их завела, об этом история стыдливо умалчивает, но весьма вероятно, что страсть короля вознаграждена не была. Мария Манчини увлекала его в надежде быть не фавориткою, но законной супругой, от чего и Людовик был бы не прочь, если бы в это дело не вмешались кардинал и Анна Австрийская. Как ни честолобив был Мазарини, но он как человек умный понимал, что подобный брак был бы посмешищем всей Европы, да и его самого поставил бы в неприятное положение.

– Пора женить короля! – решил он сообща с Анной Австрийской, и решение это тем более было непреложно, что оно находилось в тесной связи с событиями политическими; этот брак Людовика XIV с инфантою испанскою Марией Терезией (9 июня 1660 года) был могущественною скрепою недавно заключенного Пиренейского мира. Объятыя прелестной супруги отвлекли короля от Марии Манчини, впрочем, весьма ненадолго. Довольствоваться ласками жены, имея возможность обладать первейшими красавицами двора... подобное самоутверждение было не в характере Людовика XIV.

31 марта 1661 года Анна Генриэтта Английская, дочь короля Карла I, возросшая во Франции, выдана была за герцога Филиппа Орлеанского, брата Людовика. Брак этот, следствие политических комбинаций, был ей не по сердцу; втайне она любила Людовика XIV, но умела преодолевать себя и не выказывала ему своих чувств: страдала и ревновала молча. Если бы король менее увлекался страстями, не порхал от одной фрейлины к другой, а обратил бы свое внимание на Генриэтту, почему знать, не нашел ли бы он в ней верную, добрую жену, способную обуздать его пылкость и дать его страстям благородное направление? В политическом отношении родственный союз с Англиею мог принести Франции громадную пользу и устранить многие бедственные столкновения ее с Великобританиею в недалеком

будущем... но ничего подобного не было, и Генриэтта покорила своей безотрадной участью. Двор ее, по составу женского персонала, уподобляли гирлянде живых цветов; так прелестны были фрейлины Генриэтты, между которыми особенно отличались красотой и грацией девицы де Сурди, де Сойянкур, Сент-Эньян, де Вард, Монтозье, Бюсси, де Гиш, Тоннэ-Шарант и ла Вальер, о которой теперь нам предстоит рассказывать читателю.

Луиза Франциска де ла Бом ле Блан де ла Вальер родилась в 1644 году в Туренни и в детстве, потеряв отца, воспитывалась в замке Блуа, принадлежавшем Гастону Орлеанскому. Пятнадцати лет она поступила фрейлиною к Генриэтте Английской и обратила на себя внимание всего двора красотой, умом и грацией, несмотря на маленький физический недостаток: она прихрамывала. Вот что говорит о ней один из современников: «Девушка эта роста посредственного, но очень худощавая, походка у нее неровная, хромота. Она белокура, лицом бела, рябовата, глаза голубые, взгляд томный и по временам страстный, вообще же весьма выразительный. Рот довольно велик, уста румяные. Она умна, жива; имеет способность здраво судить о вещах, хорошо воспитана, знает историю и ко всем этим достоинствам одарена нежным, жалостливым сердцем».

Охладев к своей супруге, Людовик XIV в Сен-Жермене стал часто навещать свою невестку Генриэтту Английскую, чем подал ей повод думать, что он сочувствует ее безответной любви, но... «умысел другой тут был»: король в толпе фрейлин отыскивал себе предмет страсти, и пламенный его взгляд особенно часто останавливался на молоденькой ла Вальер. Однажды он заговорил с нею, и заметно было, что этот разговор доставил и ему, и ей большое удовольствие. Генриэтта, не подозревая возможности серьезной связи Людовика с молоденькой ла Вальер, не обращала внимания на предпочтение, оказанное ей королем перед другими фрейлинами, из которых многие были гораздо красивее ее. Однако Людовик в ухаживаньях своих за ла Вальер принялся действовать систематически, как и следовало опытному волоките. Он подарил красавице пару драгоценных серег и браслет, которые она надела и носила постоянно; вскоре связь короля с ла Вальер сделалась сказкою всего двора; фаворитка обратила наконец на себя внимание всей Европы. В Англии и Голландии появились во множестве памфлеты, посвященные более или менее правдивому описанию нежных отношений короля французского к фрейлине герцогини Орлеанской. Из подобных памфлетов особенно замечателен изданный под именем графа

Бюсси-Рабютен и будто бы заимствованный из дневника Генриэтты Английской. Подробности сближения Людовика с его первой фавориткой до того любопытны, что мы приводим их в двух редакциях: по рассказам Бюсси-Рабютена и Тушар-Лафосса – компилированным последним из современных мемуаров. Вот рассказ первого от имени Генриэтты Английской:

«Король, как вам известно, часто посещал меня, чтобы исповедовать мне сердечную свою тоску, мучившую его после отъезда принцессы Колонна,¹ и сокращать время, тянувшееся для него слишком долго. Раз, когда король был скучнее обыкновенного, Роклор, желая вывести его из задумчивости, сказал шутя, что им очарована одна из моих фрейлин, и, передразнивая ее, прибавил, будто она ради сердечного своего покоя не желает более видеть короля. Шутка Роклора развеселила короля. Через несколько дней, выходя из моей комнаты, король увидел девицу де Тоннэ-Шарант² и сказал Роклору: «Желал бы, чтоб эта самая любила меня. Не она ли?» – «Нет, – отвечал Роклор, – а вот кто (указав на ла Вальер) и про-

¹ Марии Манчини, сестры Олимпии и Лауры. Последняя (о которой мы упомянули в заголовке нашей статьи), выданная за герцога Вандомского, по сказаниям скандальных хроник, подобно сестрам, также пользовалась расположением Людовика XIV и даже была слишком к нему снисходительна. Сен Симон в своих записках говорит, будто в одно прекрасное утро кто-то из придворных застал короля и Лауру Манчини в так называемой «преступной беседе», что весьма сомнительно. К чему излишняя грязь на страницах истории, без того грязных?

² Впоследствии маркиза де Монтеспан, счастливая соперница девицы ла Вальер.

должал:– подойдите же, сударыня, подойдите, коль скоро вы так обожаете великого государя!» Эта шутка переконфузила девицу ла Вальер, которая не оправилась от смущения даже и тогда, когда король почтительно поклонился ей и говорил с нею как нельзя учтивее. В этот день она, вероятно, ему еще не понравилась, но он хотел оградить ее от насмешек. Через шесть дней он, увидя ее, часа два разговаривал с нею, и эта беседа решила ее участь. Стыдясь приходить к этой фрейлине, не выдаясь со мною,³ он вздумал разгласить по всему двору, будто влюблен в меня, и при ком-либо из посторонних нарочно ухаживал за мною, нашептывая мне всякие пустяки. В другое же время он заводил разговор о своей красавице, расспрашивая меня о малейших безделицах; видя, что это его тешит, я отвечала ему на все его расспросы. Помнится, как-то фрейлина де Тоннэ-Шарант заболела лихорадкою, а ла Вальер провела с нею целый день, что весьма раздосадовало короля».

Далее в памфлете находим следующие подробности: «Раз вечером король вместе с королевско-родительницею был у меня. На последней был надет прекрасный бриллиантовый браслет, украшенный миниатюрою, изображавшей Лукрецию. Все мы, дамы, бог знает чего бы не пожелали за эту драгоценность, а я, к чему скрывать, в полной уверенности, что король намерен подарить его мне, всячески подговаривалась к тому, давая ему понять, как бы я была довольна этим подарком! Король, взяв браслет из рук матери и показав его всем моим фрейлинам, сказал девице ла Вальер, что мы все умираем с зависти; она отвечала ему со своими томными ужимками... Тогда король попросил свою мать отдать ему браслет в обмен на другой, что королева и исполнила с удовольствием. По отъезде короля я сказала всем фрейлинам, что, вероятно, завтра же он подарит мне этот браслет; ла Вальер покраснела и вскоре удалилась с девицею де Тоннэ-Шарант, которая видела, как ла Вальер, тихонько вынув браслет из кармана, поцеловала его. Заметив это, она сказала своей подруге:

– Теперь вы знаете секрет короля; смотрите же, умейте быть скромны!

На другой день король, посетив меня, более часу разговаривал с ла Вальер; хотел увезти ее от меня в Версаль, но она не согласилась; выразил желание, чтобы она надела свои серьги, часы, все свои драгоценности и в этом виде показала мне: она так и сделала. Я при короле спросила, откуда у нее все это, и король за нее довольно грубо отвечал: «Это мои подарки!» Потом он предложил мне приехать в Версаль вместе с этой тварью, и я поехала бы только затем, чтобы хорошенько ее отделать при королеве... Он, вероятно, догадался об этом и в самый этот день выказал нам крайнюю невежливость, оставив нас всех под дождем, а подав руку ла Вальер, прикрыл ее голову своею шляпою. Таким образом он, издеваясь над нами, выставил на позор то, что мы долгом считали хранить в тайне. Вскоре он надарил своей ла Вальер мебели и всяких убранных, в том числе канделябр ценою в две тысячи луидоров. В отплату фаворитка вышла ему нарядный кафтан, которого он не снимал целые две недели, и за него одарил возлюбленную шестью платьями, между ними одно было украшено бриллиантами и таковым же поясом; затем последовал камзол, такой же точно, как у королевы. Ла Вальер была в нем одета во время парада в Венсенне в честь английских посланников. Заметив карету ла Вальер, король подъехал к ней в галопе и полтора часа простоял у дверей без шляпы, несмотря на моросивший дождик. Отъехав, он шагах в двенадцати встретил кареты обеих королев, но им он только поклонился. Через неделю король и ла Вальер вдвоем поехали в Версаль, где пропирали дней восемь. Возвращаясь в Париж, она упала с лошади. Не будь она королевской любовницей – не ушиблась бы; но тут явилось необходимым кровопускание – по ее желанию из ноги. Врач два раза пробовал отворить жилу и не сумел; король, побледнев как рубашка, пустил ей кровь сам, и фаворитка на целый месяц слегла в постель. Вследствие этого король на два дня отложил свою поездку в Фонтенбло, по возвращении же весьма изволил радоваться; не радовалась только королева: ей было и

³ Рассказ ведется, как мы выше говорили, от имени Генриэтты Английской.

так довольно горя, а тут еще каждую ночь король стал бредить своей потаскушкой:⁴ так королева, плохо знакомая со значением некоторых французских слов, называла девицу ла Вальер».⁵

Таков рассказ Бюсси-Рабютена о первом сближении Людовика XIV с его первой фавориткой, – рассказ, будто бы записанный со слов Генриэтты Английской, герцогини Орлеанской. Переводя этот рассказ, мы нарочно придерживались чуть не площадной простоты слога, более приличного какой-нибудь судомойке, нежели дочери короля английского и невестке короля французского. Трудно поверить, чтобы так выражалась Генриэтта, влюбленная в Людовика XIV и скорбившая о явном предпочтении, им оказываемом девице ла Вальер. Ревность, конечно, могла ослеплять герцогиню; она могла резко выражаться о ла Вальер, но любовной ревности именно мы и не видим: из ее слов скорее видна жадность и зависть, да и завидует-то Генриэтта не любви короля, а его подаркам, которым ведет самый совестливый инвентарь...

Нет! женщина любящая, негодуя на счастливую соперницу, не только не станет оценивать делаемые ей подарки, но даже отвергнет их, если бы жестокосердый вздумал ее самое утешать ими. Этот фальш бросается в глаза, и потому к повествованию Бюсси-Рабютена мы относимся с недоверием. Факт налицо: Людовик пленился девицею ла Вальер и, обольстив ее, возвел в сан фаворитки; но едва ли этот факт сопровождался такими странными эпизодами, которые видим в вышеприведенном рассказе.

Тушар-Лафосс (*Chroniques de L'Oeil de boeuf*), компилируя свои рассказы из современных мемуаров несколько на романтический лад, едва ли не правдивее Бюсси-Рабютена.

По его словам, скромная, застенчивая ла Вальер при посещениях королем Генриэтты Английской первая пленилась им и засматривалась на красавца. Он и сам обратил на нее внимание, но по какой-то робости долго не отважился высказать ей свои чувства... может быть, вследствие искренней симпатии, которая влекла его к ла Вальер, так как истинная любовь всегда робка и труслива. Как-то прогуливаясь в Венсенском парке, он в уединенной аллее подслушал разговор девицы ла Вальер с фрейлиною д'Артиньи. Красавица беседовала со своей подругою о короле и говорила с таким детским простодушием, что король не мог усомниться, что он любим первой, девственной любовью. Ему не стоило большого труда увлечь неопытную девушку, к которой он вскоре душевно привязался, хотя и далеко не до той степени, до которой дошла она в привязанности к нему.

Вначале король вел свою интригу с ла Вальер настолько осторожно, что о ней никто из придворных даже и не догадывался. Любовь свою к ла Вальер он маскировал ухаживаньем за Генриэттой Английской: заказывал Бенсераду или Данжо, своим придворным поэтам, нежные послания, которые передавал ей; она оплачивала ему тем же, в полной уверенности, что она единственная причина частых его посещений сен-жерменского замка... Прежняя любовь Людовика, Олимпия Манчини, графиня Суассон, была проникательнее и ревнивее Генриэтты. Не теряя времени, она открыла герцогине, что она служит королю ширмою – не более. Генриэтта вне себя от бешенства сообщила о связи короля с ла Вальер его супруге, инфанте Марии Терезии и Анне Австрийской и безжалостно поставила любовников между двух огней. Начала разыгрываться семейная драма вперемешку с придворными спектаклями, каруселями и блестящими пиршествами, которыми король тешил свою фаворитку. Любовь можно назвать гипокреною поэта или художника: вдохновляемые этим чувством, они создают произведения образцовые на удивление потомству; эти произведения можно назвать прекраснейшими плодами, созревшими под знойными лучами любви. Людовик XIV

⁴ В оригинале весьма непристойно выражение *petite catau*, которое мы нерешаемся переводить буквально. Сам автор делает оговорку, оправдывая выражение, употребленное королевою, незнанием ею французского языка.

⁵ **Bussy-Rabutin.** Discours sur les ennuis du Roi et de mademoiselle de la Vallière.

– прозаик в душе, – любя ла Вальер, воспевал ее чужими устами и собственной своей любовью к ней вдохновил Мансара, Ле-Нотра и ле-Брена – создателей Версаля. Этот волшебный замок – памятник любви короля французского к ла Вальер, любовная поэма, созданная из мрамора и вместо иллюстраций украшенная статуями, фонтанами, террасами, цветниками и рощами.

Можно положительно сказать, что, если бы Людвик не любил своей ла Вальер, не было бы и Версаля. Замок этот был эдемом, созданным владыкою Франции для своей возлюбленной.

Девятилетний период любви короля к ла Вальер (1661–1670 гг.) можно разделить, подобно периоду годовому, на четыре времени, т. е. весну, лето, осень и зиму. Весна этой любви началась в Сен-Жермене; знойное ее лето и плодоносная осень продолжались в Версале; зима наступила в стенах кармелитского монастыря, в которых исчезала ла Вальер под белоснежным покрывалом сестры Луизы... Бурями и грозами, с которыми были неразлучны лето и осень этой любви, были гонения и обиды бедной ла Вальер со стороны завидовавшей ей Генриэтты Английской, ревливой жены короля – Марии Терезии Испанской и сварливой ханжи Анны Австрийской... Целая коалиция! Эти три женщины были тремя фуриями, готовыми подвергнуть фаворитку вместе с истязаниями душевными и лютейшим физическим мукам. Как быть? Во всякой любви ад и рай помещаются стена об стену; недаром же древняя пословица гласит: «Нет розы без шипов, нет сладости без примеси желчи». Истины несомненные; но вознаграждать ли аромат розы за царапины, наносимые ее шипами, а ложка дегтя в бочке меда не уничтожает ли всю его сладость? Могли ли утешать ла Вальер бриллианты, которыми ее осыпал Людвик, за грязь и камни, которыми в нее кидали его мать, жена и невестка; могли ли ее тешить карусели и фейерверки в то самое время, когда те же высоконравственные особы вели против нее подкопы и метали в нее чуть не олимпийскими перунами?

Первый громовой удар грянул со стороны Генриэтты Английской. Она накинулась на ла Вальер, как барыня на крепостную горничную. Не довольствуясь градом насмешек и колкостей, Генриэтта сообщила о связи короля догадывавшимся о ней королевам – родительнице и супруге; последнюю могла бы и пощадить хоть ради ее интересного положения. Призвав к себе юную грешницу, Анна Австрийская принялась читать ей такие нотации и нравоучения, что довела ее до истерики; молодая королева была великодушнее; она хоть не желала допустить ла Вальер к себе на глаза. Доведенная до отчаяния, фаворитка, не сказав ни слова королю, уехала в монастырь Шальо,⁶ умоляя аббатису скрыть ее от позора и преследований как любящего короля, так и ненавидящих ее королев. Весть об этом нравственном самоубийстве его возлюбленной возбудила в короле жестокий гнев и негодование. Позабыв свое достоинство, он поскакал в монастырь, как волк в овчарню, и неожиданно-негаданно вбежал в приемную.

– Вы не умеете владеть собою, – заметила ему супруга, когда он садился в карету.

– Зато сумею совладать с теми, которые осмеливаются оскорблять меня! – отвечал он в бешенстве и уехал. Когда ла Вальер вышла в приемную, сопровождаемая аббатисой, король заплакал. «Дешево же вы цените жизнь того, кто любит вас!» – сказал он фаворитке рыдая.

– Господи, умились надо мною! – простонала ла Вальер, падая на колени.

– Господь не заточал вас в монастырь и этого от вас не требует, – сказал ей Людвик XIV. – Страх загнал вас в эту обитель, но я увезу вас отсюда.

– Не страх... раскаяние в моих прегрешениях!

– Раскаиваться вам не в чем. Едемте!

⁶ По другим сказаниям, ла Вальер удалилась в монастырь бенедиктинок в Сен Клу.

– Государь, – умоляла ла Вальер, – при дворе ожидает меня новый гнев вашей родительницы и супруги.

– Та и другая – мои подданные!

Прямо из монастыря король привез ла Вальер в Пале-Руайяль и ввел ее в комнату Генриэтты Английской.

– Сударыня, – сказал он ей тоном вежливым, но не допускавшим возражений. – Поручаю девицу ла Вальер вашему благосклонному вниманию.

– Буду заботиться о ней, как о родной дочери! – смиренно отвечала Генриэтта.

Другими словами, буду молчать и воле вашей прекословить не стану!

Труднее было примирить с фавориткой негодовавшую на нее молодую королеву Марию Терезию. Посредницею для примирения король избрал госпожу Монтозье и имел малодушие подслушивать ее разговор со своей обиженной супругой.

– Король желает, чтобы вы принимали девицу ла Вальер и ее уверение в чувствах покорности и благоговения.

– Я в них не нуждаюсь! – сухо отвечала королева.

– Осмелюсь сказать вашему величеству, – возразила госпожа Монтозье, – что эта внимательность к королю будет ему весьма приятна; отказ может огорчить его.

– Весьма сожалею, но девицы этой видеть не могу. Я люблю короля, но король только ее и любит.

В эту минуту вошел Людовик. Королева смутилась, покраснела до того, что у нее носом кровь пошла, и она быстро удалилась из комнаты.

Внутренно сознавая, что он перед супругою не совсем прав, Людовик тем не менее употреблял все зависевшие от него средства, чтобы сблизить ее с ла Вальер посредством принятия участия той и другою в придворных празднествах. Этот путь был неудачен; королева чаще всего отказывалась от выходов под предлогом беременности, и ла Вальер являлась на праздниках чем-то вроде наместницы. Ей льстили, перед нею раболепствовали не менее, как бы раболепствовали и перед настоящей королевою. В это самое время ярким метеором промелькнул при дворе знаменитый Фуке, осмелившийся роскошью своею затмить версальское солнце. Молодой, красивый собою, отлично образованный, Никола Фуке, суперинтендант финансов, вздумал из своего замка воссоздать другой Версаль – царство в царстве. Вокруг этого солнца группировались в виде планет-спутниц, заимствовавших от него свет, старые фронтеры, юные красавицы и многие из даровитейших поэтов того времени. Лафонтен – правдолюбивый в баснях, низкопоклонник на деле, за честь почитал посвящать имени Фуке свои произведения; Скаррон тешил его своими шуточками; чопорная госпожа де Севинье не гнушалась его лукуловскими обедами. Понятно, что Людовику XIV, деспоту до мозга костей, личность, подобная Фуке, была ненавистна. Со своей стороны французский меценат чуть не открыто бравировал короля, хвалясь своими победами над красавицами и даже дерзая домогаться благосклонности ла Вальер. Неведомо какими путями он добыл прекрасный портрет фаворитки в виде Дианы и украсил им стену своего великолепного кабинета; чрез содействие ее приятельницы фрейлины Дюплесси-Белльевр он предлагал ла Вальер двадцать тысяч пистолей за то, чтобы она хоть на один час забыла короля. Современники говорят, будто Фуке достиг своей цели; по крайней мере, Буало в своей XI сатире дерзнул прямо сказать о блестящем Фуке:

Он никогда ни в чем отказа не встречал И над жестокими всегда торжествовал.⁷

Состязаясь с королем в роскоши, соперничая с ним на любовном поприще, Фуке, кроме Людовика XIV, имел еще заклятого врага в лице Кольбера, своего контролера, тайно под него

⁷ Jamais surintendant n'a trouve de cruelLe!

подкапывавшегося. Когда Фуке подвергся опале, остряки, намекая на гербы его и Кольбера (на гербе которого был изображен уж), говорили: «Уж заел белку!»⁸

17 августа 1661 года Фуке давал в своем замке волшебный праздник, который можно было назвать последним, прощальным лучом закатывающегося солнца. Король, Анна Австрийская со всем двором удостоили праздник своим посещением; ла Вальер была царицею празднества, и король не отходил от нее ни на шаг в течение всего вечера. Лафонтен сохранил для потомства описание этого вальтасаровского пира и, судя по его словам, подобного изящества, роскоши и великолепия не представлял до тех пор ни один из королевских праздников. Красавицы, наряженные нимфами и вакханками, танцевали целые балеты на воздушном театре; в сумерки великолепная иллюминация озарила цветники и рощи; фонтаны и каскады, казалось, струились алмазами и жемчугами; звезды ракет и бураков фейерверка соперничали со звездами небесными. Труппа сестер Бежар, приглашенная Фуке, разыграла аллегорический пролог, нарочно сочиненный Пелиссоном; затем играли новую комедию Мольера *Сварливые* (*Les Facheux*), рассмешившую короля и всех присутствовавших, так как многие лица, в ней выведенные, были скопированы прямо с натуры и зрителям были очень хорошо знакомы оригиналы. Здесь, к слову сказать, Мольер началом своей артистической славы был обязан благородному Фуке, сумевшему его оценить и извлечь из того грязного омуты, в котором он вращался, скитаясь с труппой сестер Бежар по ярмаркам. Праздник Фуке окончился великолепным ужином, за которым каждому гостю при десерте подан был кошелек, набитый золотом... И в самый этот вечер Людовик XIV решил гибель радушного хозяина. К этому решению побудила короля не столько безумная роскошь, та золотая пыль, которую Фуке пускал ему в глаза, сколько ревность: обладатель Франции имел средства заживо схоронить расточителя в глубочайшей могиле, до краев засыпанной червонцами, но любовь ла Вальер он тогда ценил выше всех сокровищ в мире, и эту самую любовь дерзкий Фуке намеревался похитить у короля. Этому Людовик простить ему не мог и не простил. Прохаживаясь вместе со своей матерью по пышным чертогам замка Во, король заметил в кабинете хозяина портрет ла Вальер и остановился перед ним как вкопанный, ежеминутно меняясь в лице; рука его, на которую опиралась Анна Австрийская, заметно задрожала.

– Какая дерзость! – прошептал он невольно.

– Что так гневит вас, государь? – спросила Анна Австрийская.

– Что? – переспросил вне себя Людовик XIV, думая одно и говоря другое. – Разве вы сами не видите и не понимаете, что весь этот праздник не что иное, как наглая насмешка над мной; оскорбление величества с аккомпанементом музыки, сопровождаемое фейерверком и иллюминацией? А герб и девиз этого хвастуна? «До чего не достигну?» Что это, вызов? Перчатка, которую подданный осмеливается бросать своему королю? «До чего не достигну!» – продолжал Людовик, скрежеща зубами. – Ни до чего не достигнешь, потому что я обрублю приткие лапы твоей геральдической белке... Сию же минуту прикажу арестовать Фуке!

– Государь, у него в доме?

– Дом – не его, он мой! Все, что здесь, все это золото, сокровища, редкости – все куплено на деньги, у меня же украденные.

– Государь, подобный поступок может затмить вашу славу.

– Мою славу? – повторил король в раздумье. – Хорошо, будь по-вашему, но будьте свидетельницей даваемого мною слова: недолго чваниться Фуке и падение его недалеко!

Король уехал в десятом часу вечера, отвечая на поклоны провожавших его хозяина и хозяйки брызгливой гримасой и оскорбительным молчанием. Многие гости остались ночевать в замке; пир продолжался до утра, но утро это сопровождалось зарею гибели торова того хозяина. Через две недели король со всем двором отплыл в Нант, отдав перед своим

⁸ Герб Фуке, изображавший белку, был украшен девизом: «До чего не достигну?» (*Quo non ascendam?*).

отъездом приказание арестовать Фуке. Исполнение этого королевского повеления было возложено на д'Артаньяна, поручика мушкетеров. Посланный со стражею прибыл в замок в то самое время, когда Фуке со своими друзьями тешился балетом, составленным из молодых поселянок. Он удержал за руку Фуке, вышедшего на подъезд, и указал ему на портшез с решетчатыми окнами.

– По королевскому повелению! – заметил при этом д'Артаньян.

– На это его воля, – отвечал смущенный Фуке, – но для его славы я желал бы, чтобы он действовал не с такой скрытностью!

В течение дня той же участи подверглись все приближенные опального и его родственники: де Бетюнь, его зять, архиепископ нарбонский, епископ агдский, братья Фуке – аббат и шталмейстер – были отправлены в ссылку. Повальный обыск в доме арестанта не мог способствовать его оправданию. По счетным книгам обнаружено было, что Фуке ежегодно расходовал до 4 млн. франков на подарки и на взятки вельможам, чтобы тем безопаснее пользоваться хищениями казны. Кроме счетных книг и разных документов, бросавших на него неблагоприятную тень, у Фуке были найдены: алфавитная роспись всем красавицам, над которыми он одержал победу, и богатые коллекции любовных писем и женских локонов всевозможных цветов. Имя девицы ла Валь-ер было также найдено в позорном реестре побед счастливого Фуке... Для суда над ним и его сообщниками-казнокрадами назначена была особенная следственная комиссия: преследуя Фуке, подвергая его и сообщников более или менее заслуженной каре законов, Людовик XIV в то же время желал нанести решительный удар партии недовольных, состоявшей из прежних корифеев Фронды. Дело Фуке выдвинуло на первый план Кольбера и Летелье – судей предубежденных, недобросовестных, но вместе с тем прославило имена благородных защитников подсудимого: Пелиссона и д'Ормессона, особенно последнего, который спас голову Фуке от угрожавшей ей плахи. Даже знаменитый Ламуаньон – первый президент парламента, узнавший себя в мольеровском *Тартюфе*,⁹ – даже он отступился от участия в следственной комиссии, сказав во всеуслышание: «*Lavavi manus meas* (умываю руки)». Вообще говоря, сочувствие к бедному бастильскому узнику выражалось весьма многими. Так, Лафонтен, пользовавшийся щедротами суперинтенданта в счастливейшие дни его жизни, писал ему хвалебные стихотворения даже во время продолжительного ареста Фуке и его процесса. Баснописца предостерегали его друзья, говоря, что он может навлечь на себя гнев короля, но добряк отвечал им:

– Благодарность не порок. Если же за то, что я говорю и пишу о моем благодетеле, я буду привлечен к ответу – не беда! Напишу по этому случаю басню с самым дельным нравоучением!

Если бы великий король имел в своей душе хотя наполовину благородства Лафонтена, он, без сомнения, не отдал бы Фуке под уголовный суд, маскируя обвинением в преступлении государственном соперничество Фуке со своей олимпийской особой и делая из закона орудие личной мести. Что Фуке обкрадывал казну – этот факт не подлежит сомнению, но почему же Людовик XIV до обретения портрета ла Вальер в замке Во молчал и глядел сквозь пальцы на все хищения Фуке и его сообщников? Не явствует ли из этого, что король всегда и во всем личные свои интересы ставил выше государственных? Три года и три месяца тянулся процесс Фуке, окончившийся приговором к пожизненному заточению в крепости Пиньероль. Как мы уже говорили выше, пристрастные судьи подводили его под статью закона,

⁹ Ламуаньон запретил представление Тартюфа на сцене, и весть эта пришла в Бургонский отель в то самое время, когда публика стояла у дверей, ожидая впуска в театральную залу. Отмена спектакля была причиной шума и беспорядка, полиция поручила самому Мольеру успокоить и урезонить недовольных. Выйдя на балкон, великий драматург сказал шумевшим: «Господа, Тартюф отменяется потому, что первый президент Ламуаньон не желает, чтобы его представляли!» Хохот и рукоплесканья были единодушным ответом этому двусмысленному оправданию, тем более остроумному, что к нему невозможно было сделать ни малейшей придирки.

определявшую ему смертную казнь. «Не пожалел бы, – сказал Людовик XIV, – если бы его повесили!» Из мемуаров современников видим, что улики против Фуке были весьма слабы, и надобно предполагать, что суперинтендант, запуская руки в казенные сундуки, умел хоронить концы в воду... Но суть дела была не в казне: единственною причиною гибели Фуке была его любовь к неприкосновенной ла Вальер. Приговор, произнесенный над соперником Людовика XIV, возмутил общественное мнение и послужил какому-то стихоплету темой для следующего водевиля:

Фуке помилован! Вережка продается,
Которую ему враги его сплели...
Теперь веревкой той других вязать придется,
И семерых уж мы сочли:
Кольбер и Сент-Элен; прибавим к ним: *Пассора*
И канцлера *Понсе, Беррье*¹⁰ нельзя забыть,
Затем – *Геро, Ноге*... как раз – четыре вора
И трое бешеных... Вязать же их, крутить,
Повесить для позора!¹¹

Рассказ о падении Фуке отвлек нас от настоящего предмета нашего повествования, и мы возвратимся к событиям, следовавшим вскоре после ареста суперинтенданта.¹²

Королева Мария Терезия разрешилась от бремени сыном. Людовик XIV порадовался рождению дофина именно настолько, насколько требовал этикет; душа его и сердце по-прежнему неизменно принадлежали ла Вальер. Он купил для фаворитки и великолепно отделал дворец Бирон и здесь посещал ее ежедневно, весьма часто проводя время до утра. Независимо от наслаждений любовью, его величество тешился карточной игрой, проигрывая партнерам громадные суммы. Это явное сожительство было соблазном для всего двора, однако же, кроме обеих королев, все молчали и раболепствовали пред фавориткою. Людовик вторично попытался уговорить свою супругу принять девицу ла Вальер в свой штат, и Мария Терезия согласилась с условием, чтобы фаворитка была выдана замуж. Король и сам видел в этом неотлагательную надобность, так как ла Вальер была беременна. Выбор короля остановился было на графе де Варде, но, однако, Людовик раздумал, приняв в соображение, что де Вард в связи с его бывшей пассией, супругой коннетабля Колонна (Мариею Манчини). Эта женщина, со своей стороны, мстя ла Вальер, старалась всячески, чтобы один из ее чичисбеев де Вард или граф де Гиш отбили у короля его фаворитку... Мария Манчини воображала, что король, разлюбив ла Вальер, опять вспомнит былое и возвратится по старой памяти в объятия ее, т. е. Марии. Как бы издеваясь над ее замыслами, но в то же время и над чувствами своими к ла Вальер, король мимоходом завел интрижку с фрейлиной де ла Мотт Гуданкур, девицею очень вольного обхождения. Впрочем, этой мимолетной любовью Людовик XIV тешился несколько дней. Многочисленные враги ла Вальер изощряли все средства к ее низвержению, и в этих кознях, кроме графини Суассон и Генриэтты Английской, принимала деятельное участие Анна Австрийская. На первый случай поручили начать атаку герцогу Мазарини. В одно прекрасное утро, испросив у короля особой аудиенции, этот шут объявил, будто он имел «видение», в котором свыше было открыто ему: «королевство погибнет, если король не отпустит от себя блудницу...»*

¹⁰ Беррье – один из судей – взбесился во время процесса, но по выздоровлении продолжал заседать в комиссии.

¹¹ La corde de Fouquet est maintenant a vendre; Nous avons de quoi l'employer: Colbert, Sainte Helene, Berryer, Passort, Noguét, Herault, Poncet le chancelier... Voila bien des voleurs a pendre, Voila bien des fous a lier!

¹² Подробности процесса и смерти Фуке (в 1680 году) читатели могут найти в любопытной монографии Тонена «Железная маска».

– А я, с моей стороны, открою вам, – отвечал Людовик XIV, – что у вас голова не в порядке. Советую вам полечиться, а по выздоровлении возвратить в казну все, что из нее было покрадено кардиналом, покойным вашим дядюшкой.

Миссионер со стыда едва нашел двери, за которыми и скрылся, едва держась на ногах; но заговорщики этим не ограничились. Дня через два к Людовику явился иезуит, отец д'Анна, придворный священник. Сетуя на развращенность нравов, последователь учения Лойолы объявил, что если королю не угодно отпустить ла Вальер, то он, д'Анна, удалится от двора.

– Сделайте одолжение, не удерживаю! – отвечал Людовик, смеясь.

За иезуитом следовала госпожа Гамелен, бывшая кормилица его величества, пользовавшаяся за прежние заслуги правом невозбранного входа в его кабинет и опочивальню во всякое время. Подученная королевой-родительницей и молодой королевой Марией Терезией, эта выжившая из ума, дряхлая Амальтея версальского Юпитера воображала, что двадцатичетырехлетний Людовик все тот же малютка, которого она нянчила во времена оны, придя к нему ранним утром, пустилась в нравоучения, выслушанные королем с ироническим вниманием.

– Бабушка, – спросил он ее по окончании проповеди, – это вам кто же все внушил?

– Небо, государь, само небо!

– Удивительно, право, что в этом деле оно вдохновляет такое множество народу. Советую вам, бабушка, оставить эти сказки и не умножать собою число вдохновенных... Без вас довольно!

– Однако, государь, смею заметить...

– Если вы не желаете, чтобы я приказал не впускать вас...

– Этим вы меня убьете.

– Так живите, но не давайте лишней воли вашему языку.

– Но, государь, загляните хоть на один миг в вашу собственную совесть...

– Госпожа Гамелен, извольте выйти вон.

– И вы решитесь выгнать ту, которая питала вас своей чистейшей кровью? – взмолилась старуха.

– За прошедшее благодарю, но раз навсегда возьмите себе за правило в мои дела не вмешиваться и отвечать только тогда, когда вас спрашивают!

И бедная Амальтея ушла с тем же, с чем и пришла. Вместо чуемого врагами фаворитки охлаждения к ней Людовика любовь его только усиливалась вследствие всех этих каверз... Впрочем, оно всегда так. Любовь как молодое деревцо: чем более его подстригают и подрезывают, тем только более оно разрастается. За разговором с кормилицей не замедлило объяснение короля с его престарелой родительницей. Анна Австрийская принялась читать формальную проповедь, пропитанную елеем иезуитизма и приправленную афоризмами ханжества – разными цитатами; Людовик прервал ее:

– Довольно, матушка, не выводите меня из терпения и не заставляйте забытья... Упрекая меня за мое настоящее, не мешало бы вам самим вспомнить свое прошедшее!

Анна Австрийская прикусила язычок, но в тот же вечер в присутствии многих придворных дам и кавалеров она вздумала продолжать свои наставления сыну, на этот раз Людовик XIV действительно забыл всякое уважение к матери и вышел из себя; отповедь его была довольно удачна.

– Не могу понять, – сказал он Анне Австрийской, – почему люди, в молодости жившие далеко не безукоризненно, смеют осуждать других за те удовольствия, которыми они по праву молодости пользуются? Вероятно, из зависти... Так, впрочем, заведено на свете, не нами началось, не нами и кончится! Когда нас утомит любовь, когда мы пресытимся ею и состаримся, *тогда и мы, в свой черед, ударимся в ханжество и пустимся в нравоучения!*

Сам того не подозревая, король пророчил о собственной своей жизни.

– За примерами ходить недалеко. Графиня де Шеврез, она ли не нападает на вольность других женщин, а за самой мало ли грешков? Герцогиня д'Эгийон, принцессы Кариньян, Монако... да им счет потеряешь! Волокитство всегда было и будет; те дамы, о которых не говорят, умеют только хитрее и секретнее вести свои интриги либо связываются с ничтожными любовниками. Госпожа Шатийон и Конде, госпожа де Люинь и президент Тамбонно, принцесса Монакои Пегилльян и т. д. и т. д., – заключил король, смеясь от всего сердца.

И ла Вальер осталась на месте титулованной фаворитки, к досаде матери и супруги короля и к пушей злобе многочисленных завистниц.

5 июля 1662 года на дворцовой площади дано было Людовиком XIV конное ристалище, или карусель, на котором присутствовали обе королевы, и ла Вальер, разумеется. Наездники были разделены на пять кадрилей: римлян, персов, турок, индусов и американцев; первую предводительствовал сам король, второю – герцог Орлеанский, остальными принц Конде и герцоги Ангиенский и Гюиз. Наездники ловили кольца копьями, сбивали сарбаканами (духовыми ружьями) картонные головы; призы победителям раздавали королевы, но за призами Людовик XIV не гнался: выше всякой награды, дороже рыцарского шарфа, даже лаврового венка он ценил нежные взгляды бесценной своей зрительницы – ла Вальер. Враги фаворитки, на время приутихнувшие, опять принялись за свою подземную работу. Вскоре после карусели королеве Марии Терезии подброшено было безымянное письмо, извещавшее ее о связи короля с ла Вальер... Этой выходки мы решительно не понимаем! Зачем, с какой целью извещали королеву о том, что уже почти два года было ей известно? Оказалось по справкам, что эта бумажная бомба была брошена графом де Гиш по научению Генриэтты Английской: дочь Карла I не постыдилась действовать против королевской фаворитки гнусным оружием, которое пускать в ход решится не всякая потерянная женщина. Король отомстил Генриэтте, послав графа де Гиш в Польшу с дипломатическим поручением, и лучшего мщения своей невестке он, конечно, не мог придумать, по крайней мере, на месяц, на два... Там она утешилась, взяв себе другого возлюбленного. Дочь своего века, Генриэтта Английская, герцогиня Орлеанская не могла похвалиться строгостью правил, и скандальные летописи двора Людовика

XIV сохранили немало сказаний о ее любовных похождениях. Беспристрастное потомство должно, однако же, отнестись к памяти этой женщины не без снисхождения. Она шла замуж за герцога Орлеанского, любя всей душой его брата, короля Людовика XIV. Внимательность и ласки последнего к невестке заронили в ее скорбящую душу луч надежды на взаимность, и вдруг – с небес на землю – оказалось, что она, Генриэтта, служит королю только ширмой, загораживающей его ухаживания за ла Вальер. Подобных обид женщина не прощает. Глубоко уязвленная, Генриэтта для мщения не задумывалась ни перед чем: наушничала, сплетничала, интриговала; даже, как мы говорили выше, унизилась до сочинения безымянных писем... Видя безуспешность всех этих маневров, она очертя голову бросилась в омут распутства, т. е. сделалась в смысле нравственном – самоубийцею.

Мы сравнивали фазисы любви Людовика XIV к ла Вальер со временами года. Прошла весна, и наступило знойное лето. Страсть короля достигла, подобно солнцу, своего поворотного круга: пыл ее служил признаком недалекого охлаждения. Во время вторичной беременности фаворитки (в 1663 году) король почти ни на минуту не расставался с нею, в критическую же минуту родов растерялся, расплакался так, как только может в подобных обстоятельствах растеряться нежнейший супруг. Свидетели и свидетельницы этой сцены не преминули, разумеется, довести о ней до сведения королевы Марии Терезии, матери законного дофина. Припомнила она обстановку своих родин два года тому назад, живо воскресли в ее памяти спокойно-величавые черты супруга в те минуты, когда она, давая жизнь наследнику его престола, сама была близка к смерти... Ни слова сострадания, ни единой одобри-

тельной ласки! Много тайных слез пролила Мария Терезия в своей уединенной молельне и, терзаемая ревностью, часто жаловалась приближенным на ненавистную ей фаворитку, не стесняясь выражениями.

– Чем эта чахоточная, мерзкая, развратная девчонка, – говорила она, – могла приворожить к себе моего мужа? Между ею и мною разница в возрасте только один год... Или я так безобразна?

На последний вопрос могло дать утешительный ответ – зеркало; что же касается до предпочтения, которое Людовик оказывал своей фаворитке перед супругою, оно могло быть если не объяснено, то оправдано нашей русской пословицей: «Не по хорошу мил, а по милу хорош».

Самой привлекательной и похвальной чертой в характере ла Вальер было ее бескорыстие; никогда ничего она не домогалась и не выпрашивала у короля; подарки его принимала с непритворным неудовольствием; посещая праздники, даваемые в ее честь, душевно скорбила за их роскошь, тяжким гнетом падавшую на бедный народ. Истая идеалистка, ла Вальер была бы вполне счастлива, если бы по примеру пастушек в идиллиях госпожи Дезульер могла жить в хижине со своим ненаглядным, пасти овец и плести ему венки из роз с куста, насажденного перед дверьми убогого жилища. Таковы были ее желания, конечно, неисполнимые; но король смотрел на любовь иными глазами: роскошь и великолепие были его насущными потребностями. Вместо желанной хижинки он воздвигал дворцы и увеселительные замки; вместо кустика розанов разводил огромные сады, рощи и парки, населенные беломраморными статуями, вместо овец, беспечно прыгающих на травке, созывал тысячи гостей на балы и праздники. В мае 1664 года в версальских садах он давал восьмидневный праздник в честь ла Вальер на так называемом *очарованном острове*. Программа была составлена по сюжету, заимствованному из Ариоста. Итальянцу Торрелли поручено было приготовить пиротехнические декорации и аранжировать иллюминацию; ле Нотру заняться убранством садов; Мольеру с труппой сестер Бежар сочинить интермедию; Люлли и д'Ассуси написать музыку для балетов и пантомим. В первый день был карусель, на котором призы были раздаваемы королевою Мариєю Терезиею; после того: балет, мифологическое шествие Аполлона, Флоры, дриад, сатиров и вакханок. За обедом, сервированным на открытом воздухе, гостям прислуживали актеры и актрисы труппы Бежар, наряженные Горами, временами года и нимфами. Вечером на воздушном театре представляли комедию Мольера *Принцесса Элидская* (*La princesse d'Elide*), наполненную непрозрачными намеками на красоту ла Вальер и на нежные к ней отношения Людовика XIV. На другой день в сумерки представляли волшебную пантомиму из влюбленного Орланда, оканчивавшуюся фейерверком, изображавшим пожар и разрушение замка Альсины. Так что ни день, то карусель, турнир, бал или придворный спектакль. Играли комедию *Сварливые* (*les Facheux*), игранную два года тому назад в замке Фуке. Наконец Мольер читал три первые действия бессмертной своей комедии *Тартюф*. Что представление этой комедии встретило страшную оппозицию со стороны Анны Австрийской и иезуитов двести лет тому назад, это дело понятное, но вот что непостижимо: как в 1859 году известный компилятор Капфиг мог дать о Тартюфе нижеследующий отзыв, который мы ради курьеза выписываем с дипломатической точностью:¹³

«Король переживал тогда эпоху молодости, страстей и забвения своих обязанностей. Французский двор был тогда в разладе с римским первосвященником по случаю ссоры между слугами герцога де Креки, французского посланника в Риме, с корсиканскими гвардейцами его святейшества; Людовик XIV несправедливо занял Авиньонское графство, пользуясь правом сильного над слабым. Действительно невелика была доблесть для дворянства вытеснить из графства охранявшую его горсть швейцарцев. Папа грозил королю вели-

¹³ C a p e f i g u e. Mademoiselle de la Valliere. Paris in 12, 1859, p. 76 etc.

ким отлучением, и при этих-то обстоятельствах, благоприятствовавших войне с церковью, Мольер написал первый акт своего Тартюфа. Главный режиссер труппы, актер Бежар, вскормленный учением эпикуреизма, принятый у Гассанди¹⁴ со своими друзьями Шапеллем и д'Ассуси, в глубине души таил ненависть к церкви под личиною человека, притворяющегося набожным. Мольер клеветал на благочестие вообще. И директору ли труппы скорморохов подобало определять и класть разницу между благочестием истинным и ложным? Эти сцены грязного блуда Тартюфа были, без сомнения, задуманы в кабаке, под вывескою Лотарингского креста бок о бок с Лафонтеном, писавшим свои неблагопристойные подражания Боккаччо тем же самым пером, которым Мольер изобразил впоследствии *Мнимого рогоносца* (*Le Cocu Imaginaire*).

¹⁴ Капфиг недолюбливает этого знаменитого ученого, по его словам, Петр Гассанди был достоин костра как еретик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.